

Поэты
о
Великой Отечественной
войне

Межиров Александр Петрович

Родился в интеллигентной еврейской семье (отец— юрист Пётр Израилевич Межиров, 1888—1958; мать— учительница немецкого языка Елизавета Семёновна Межирова, 1888—1969).

Ушёл на фронт со школьной скамьи в 1941. После войны окончил Литературный институт им. М. Горького (окончил, по разным источникам, в 1947 или 1948 году). Участвовал вместе с Н.К.Старшиновым в занятиях литературного объединения И.Л. Сельвинского. Поддерживал дружеские связи с С.С.

Наровчатовым.

С 1994 года проживал в США. В Нью-Йорке выпустил сборник стихов, ставший последним, в издательстве «Слово/Word».

Умер 22 мая 2009 в Нью-Йорке. 25 сентября 2009 урну с прахом покойного захоронили на кладбище посёлка

Переделкино

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.
Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет.
Мы недаром присягу давали.
За собою мосты подрывали, —
Из окопов никто не уйдет.

Недолет. Перелет. Недолет.
Мы под Колпиным скопом лежим
И дрожим, прокопченные дымом.
Надо все-таки бить по чужим,
А она — по своим, по родимым.
Нас комбаты утешить хотят,
Нас, десантников, армия любит...
По своим артиллерия лупит, —
Лес не рубят, а щепки летят.

КУРСКАЯ ДУГА

Мать о сыне, который на Курской дуге, в наступленье

Будет брошен в прорыв, под гранату и под пулемет,

Долго молится, перед иконами став на колени,-

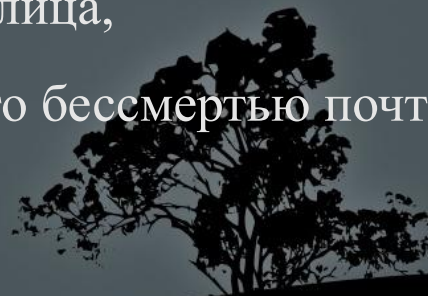
Мальчик выживет, жизнь проживет и умрет.

Но о том, что когда-нибудь все-таки это случится,

Уповающей матери знать в этот час не дано,

И сурово глядят на нее из окладов спокойные лица,

И неведенье это бессмертью почти что равно.

Вера Инбер

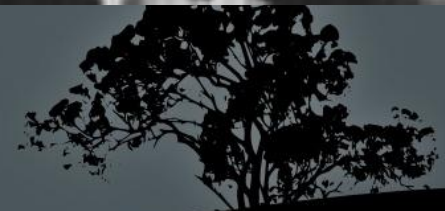
Инбер начинала как одарённая поэтесса, но растеряла свой талант в попытках приспособиться к системе. Её безыскусно рифмованные стихи порождены рассудком, а не сердцем; ее стихи о Пушкине, Ленине и Сталине носят повествовательный характер. Отличительными особенностями поэм Инбер, посвящённых актуальным темам советской действительности, являются однообразие, растянутость; они далеко не оригинальны.

— Вольфганг Казак

Возле полустанка
Травы шелестят.
Гусеницы танка
Мертвые лежат.
Черную машину
Лютото врага
Насмерть сокрушила
Русская рука.
Смелостью и
сметкой
Кто тебя сберег,
Энская высотка,
Малый бугорок?
Пламенной любовью
Родину любя,
Кто своею кровью
Защитил тебя?
О тебе лишь сводка
Скажет между строк,

Энская высотка.
Малый бугорок.
Чуть заметный
холмик...
Но зато весной
О тебе напомним
Аромат лесной.
О тебе кузнечик
Меж высоких трав
Простучит далече,
Точно телеграф.
Девушка-красотка
О тебе поет,
Энская высотка,
Малый эпизод.
Песнями, цветами
Век отчизна-мать
Все не перестанет
Сына поминать.

Обложка к
книге
«Похищение
Европы»

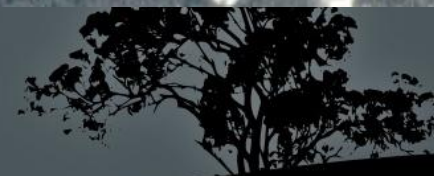
Серге́й Серге́евич Наровча́тов

Окончил Институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) и Литературный институт им. М. Горького (1941). Участник советско-финской и Великой Отечественной войны. Секретарь Союза писателей СССР, первый секретарь Московского отделения СП РСФСР (с 1971). В 1974—1981 главный редактор журнала «Новый мир». Награждён орденом Ленина, 3 другими орденами, медалями. Дебютировал в печати стихотворением «Семён Дежнев» в журнале «Октябрь» в 1941. Военная тема преобладала в сборниках стихотворений «Костёр» (1948), «Солдаты свободы» (1952), «Взыскательный путник» (1963). Она оставалась одной из самых важных в более поздних книгах «Четверть века» (1965), «Через войну» (1968), «Знамя над высотой» (1974), «Боевая молодость» (1975) и в поэме «Фронтальная радуга» (1979). Другие сборники стихов: «Пес, девчонка и поэт» (1965), «Полдень» (1969) «Ширь» (1979); поэма «Пролив Екатерины» (1956). Автор книг «Необычное литературоведение» (1970), «Атлантида рядом с тобой. Критика, полемика, размышления» (1972) и других литературно-критических и публицистических работ, книги мемуаров «Мы входим в жизнь: Книга молодости» (1978).

Сергей Сергеевич
Наровчатов
В парадном мундире с
боевыми наградами.

ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

На пополнение наш полк
отведен,
И, путаясь в километрах,
Мы третьи сутки походом
идем,
Кочуем - двести бессмертных.
За отдыха час полжизни
отдашь!
Но вот ради пешего подвига
Офицерам полковник дарит
блиндаж,
Бойцам - всю рошу для
отдыха.
Спать! Но тут из-под дряхлых
нар,
Сон отдав за игру, на
Стол бросает колоду карт
Веселая наша фортуна.
Кто их забыл второпях и
вдруг,
В разгаре какой погони?..
Что нам с того! Мы стола
вокруг
Тесней сдвигаем погоны.
И я, зажав "Беломор" в зубах,
Встаю среди гама и чада.
Сегодня удача держит банк,
Играет в очко Наровчатов.

Атласные карты в руках горят,
Партнеры ширят глаза.
Четвертый раз ложатся подряд
Два выигрышных туза.
И снова дрожащие руки вокруг
По карманам пустеющим
тычутся,
Круг подходит к концу. Стук!
Полных четыре тысячи!
Но что это? Тонкие брови
вразлет.
Яркий, капризный, упрямый,
На тысячу губ раздаренный рот.
- Ты здесь, крестовая дама?
Как ты сюда? Почему? Зачем?
Жила б, коли жить назначено,
На Большом Комсомольском,
4/7.
Во славу стиха незрячего.
Я фото твое расстрелял со зла,
Я в атаку ходил без портрета,
А нынче, притихший, пялю
глаза
На карту случайную эту.
Где ты теперь? С какими
судьбой
Тузами тебя растасовывает?
Кто козыряет сейчас тобой,
Краса ты моя крестовая?!

Но кончим лирический
разговор...
На даму выиграть пробуешь?
Король, семерка, туз...
Перебор!
Мне повезло на проигрыш.

Я рад бы все просадить дотла
На злодейку из дальнего тыла...
Неужто примета не соврала,
Неужто вновь полюбила?

Я верю приметам, башку
очертя,
Я суеверен не в меру,
Но эту приметку - ко всем
чертям!
Хоть вешайте, не поверю...

Ночь на исходе. Гаснет игра.
Рассвет занимается серый.
Лица тускнеют. В путь пора,
Товарищи офицеры!

На пополнение наш полк
отведен,
И, путаясь в километрах,
Четвертый день мы походом
идем,
Кочуем - двести бессмертных.